

В овраге — эпизод 16 из 16

Сидит и не пошевелинется. Прохожие кланяются ему, но он не отвечает, так как по-прежнему не любит мужиков. Когда его спрашивают о чем-нибудь, то он отвечает вполне разумно и вежливо, но кратко.

В селе идут разговоры, будто невестка выгнала его из собственного дома и не дает ему есть и будто он кормится подаяниями; одни рады, другие жалеют. Варвара еще больше пополнела и побелела, и по-прежнему творит добрые дела, и Аксинья не мешает ей. Варенья теперь так много, что его не успевают съедать до новых ягод; оно засахаривается, и Варвара чуть не плачет, не зная, что с ним делать.

Об Анисиме стали забывать. Как-то пришло от него письмо, написанное в стихах, на большом листе бумаги в виде прошения, всё тем же великолепным почерком. Очевидно, и его друг Самородов отбывал с ним вместе наказание. Под стихами была написана некрасивым, едва разборчивым почерком одна строчка: Я всё болею тут, мне тяжело, помогите ради Христа.

Однажды это было в ясный осенний день, перед вечером старик Цыбукин сидел около церковных ворот, подняв воротник своей шубы, и виден был только его нос и козырек от фуражки. На другом конце длинной лавки сидел подрядчик Елизаров и рядом с ним школьный сторож Яков, старик лет семидесяти, без зубов. Костыль и сторож разговаривали.

Дети должны кормить стариков, поить... чти отца твоего и мать, говорил Яков с раздражением, а она, невестка-то, выгнала свекра из цобственного дома.

Старику ни поесть, ни попить куда пойдет? Третий день не евши.

Третий день! удивился Костыль.

Вот так сидит, всё молчит. Ослаб. А чего молчать? Подать в суд, ее б в суде не похвалили.

Кого в суде хвалили? спросил Костыль, не расслышав.

Чего?

Баба ничего, старательная. В ихнем деле без этого нельзя... без греха то есть...

Из цобственного дома, продолжал Яков с раздражением. Наживи свой дом, тогда и гони. Эка, нашлась какая, подумаешь! Я-аз-ва!

Цыбукин слушал и не шевелился.

Собственный дом или чужой, всё равно, лишь бы тепло было да бабы не ругалнсь... сказал Костыль и засмеялся. Когда в молодых летах был, я очень свою Настасью жалел. Бабочка была тихая. И, бывало, всё: Купи, Макарыч, дом! Купи, Макарыч, дом! Купи, Макарыч, лошадь! Умирала, а всё говорила: Купи, Макарыч, себе дрожки-бегунцы, чтоб пеши не ходить. А я только

пряники ей покупал, больше ничего.

Муж-то глухой, глупый, продолжал Яков, не слушая Костыля, так, дурак-дураком, всё равно, что гусь. Нешто он может понимать? Ударь гуся по голове палкой и то не поймет.

Костыль встал, чтобы идти домой на фабрику. Яков тоже встал, и оба пошли вместе, продолжая разговаривать. Когда они отошли шагов на пятьдесят, старик Цыбукин тоже встал и поплелся за ними, ступая нерешительно, точно по скользкому льду.

Село уже тонуло в вечерних сумерках, и солнце блестело только вверху на дороге, которая змеей бежала по скату снизу вверх. Возвращались старухи из леса и с ними ребята; несли корзины с волнушками и груздями. Шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом, и носы и щеки под глазами у них были покрыты красной кирпичной пылью. Они пели.

Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть. В толпе была ее мать, поденщица Прасковья, которая шла с узелком в руке и, как всегда, тяжело дышала.

Здравствуй, Макарыч! сказала Липа, увидев Костыля. Здравствуй, голубчик!

Здравствуй, Липынька! обрадовался Костыль. Бабочки, девочки, полюбите богатого плотника! Хо-хо! Деточки мои, деточки (Костыль всхлипнул).

Топорики мои любезные.

Костыль и Яков прошли дальше, и было слышно, как они разговаривали. Вот после них встретился толпе старик Цыбукин, и стало вдруг тихо-тихо. Липа и Прасковья немножко отстали, и, когда старик поравнялся с ними, Липа поклонилась низко и сказала:

Здравствуйте, Григорий Петрович!

И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих; губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть.

Солнце уже совсем зашло; блеск его погас и вверху на дороге. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крестились.